

УДК: 551.432.42(575.2)

DOI 10.33514/1694-7851-2025-4/3-582-588

Мукамбетов Д.Д.

аспирант

А.А. Алтымышбаев атындагы философия институту
Кыргыз Республикасынын улуттук илимдер академиясы
г. Бишкек

daniarmukambetov@yandex.ru

КЫРГЫЗДАРДЫН ДҮЙНӨ ТААНЫМЫНДАГЫ ТООЛОРДУН ГЕОСОФИЯЛЫК ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Аннотация. Макалада кыргыз элинин дүйнө таанымындагы тоолордун геософиялык эволюциясы берилген, анда тоо ландшафтынын образы өз алдынча функциясы жок кыялкеч, утопиялык символдон философиялык, драмалык жана автономиялык субъектке карай ырааттуу өнүгөт. Алар адамдык умтулуулардын бетсиз башталышы же фону болбой, алардын образы барган сайын онтологиялык жактан байып, кыргыздардын руханий горизонтун калыптандырууда өздүгүн жана өз алдынча ролун алат. Изилдөөнүн негизги сюжеттик огу чакан жана чоң ааламдардын тагдырынын диалектикалык биримдигин ачууга умтулат – адам менен тоолор бирге өнүгөт: адамда аң-сезим тереңдейт, тагдыр сезими курчуйт, философиялык тажрыйбага жөндөмдүүлүк ачылат; тоолордо символикалык жана экзистенциалдык сыйымдуулук күчөйт: алар руханий дүйнөнүн калыптанышына кошула башташат, кыргыз элинин автономиясына жана нукура эгемендигине карай кыймылды чагылдырышат жана колдошот, бирок азыркы доор алдыга карай кыймылдын инверсиясы болуп калды жана кийлигишкен ландшафт кайрадан үнсүз пейзажга чейин кыскарып кетүү коркунучу алдында турат.

Негизги сөздөр: тоолор, жердин өнүгүшү, космос чөйрөсү, утопизм, заманисттер, акындар, совет доору, Айтматов, руханий кырсык.

Мукамбетов Д.Д.

аспирант

Институт философии имени А.А. Алтымышбаева
Национальной академии наук Кыргызской Республики
г. Бишкек

daniarmukambetov@yandex.ru

ГЕОСОФСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОР В МИРОВОЗЗРЕНИИ КЫРГЫЗОВ

Аннотация. В статье представлена геософская эволюция гор в мировоззрении кыргызского народа, где образ горного ландшафта последовательно развивается от мечтательного, утопического символа, лишённого самостоятельной функции, к философскому, драматическому и автономному субъекту. Они перестают быть безликим началом или фоном человеческих стремлений, их образ становится все более онтологически насыщенным, обретает идентичность и самостоятельную роль в формировании духовного горизонта кыргызов. Ключевая сюжетная ось исследования – раскрыть диалектическое единство судеб малой и большой вселенных – человек и горы эволюционируют вместе: в

человеке углубляется сознание, обостряется чувство судьбы, раскрывается способность к философскому переживанию; в горах же усиливается символическая и экзистенциальная емкость – они начинают соучаствовать в становлении духовного мира, отражать и поддерживать движение к автономии и подлинному суверенитету кыргызского народа, однако современная эпоха обернулась инверсией поступательного движения и вмещающий ландшафт вновь рискует быть сведен к безмолвному пейзажу.

Ключевые слова: горы, месторазвитие, космическая среда, утопизм, заманисты, акыны, советская эпоха, Айтматов, духовная катастрофа.

D.D. Mukambetov

graduate student

Institute of Philosophy named after A.A. Altymyshbaev

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Bishkek c.

daniarmukambetov@yandex.ru

THE GEOSOPHICAL EVOLUTION OF MOUNTAINS IN THE KYRGYZ WORLDVIEW

Abstract. The article presents the geosophical evolution of mountains in the worldview of the Kyrgyz people, where the image of the mountain landscape consistently develops from a dreamy, utopian symbol devoid of an independent function to a philosophical, dramatic and autonomous subject. They cease to be the faceless beginning or background of human aspirations, their image becomes more and more ontologically saturated, acquires an identity and an independent role in shaping the spiritual horizon of the Kyrgyz. The key plot axis of the study seeks to reveal the dialectical unity of the destinies of the small and large universes - man and mountains evolve together: consciousness deepens in a person, the sense of fate sharpens, and the ability to philosophical experience is revealed; In the mountains, the symbolic and existential capacity increases – they begin to participate in the formation of the spiritual world, reflect and support the movement towards autonomy and genuine sovereignty of the Kyrgyz people, however, the modern era has turned into an inversion of progressive movement and the surrounding landscape risks being reduced to a silent landscape again.

Keywords: Mountains, local development, space environment, utopianism, zamanists, akyns, Soviet era, Aitmatov, spiritual catastrophe.

Хайдеггер, развивая с фундаменталь-онтологических позиций знаменитый тезис Гердера: «народы – мысли Бога» [1], постулировал, что «Dasein существует через народ, по-народному» [2]. Если включить эти суждения в геософский горизонт, мы нащупываем ту пограничную область, где божественная сущность оформляется в действенную силу истории, где Dasein обретает модус присутствия в сущем. Именно географическое пространство является феноменальным воплощением световой идеи, той транзитной областью, откуда в этническое измерение вторгается Dasein, насыщает его своими экзистенциальными лучами, зачинает и фундирует народное самосознание как функцию божественного провидения.

Для немецких мыслителей эти суждения означают, что каждый народ является не случайной общностью, а носителем особого откровения бытия, выразителем неповторимой духовной формы. Но эта божественная мысль не витает в пустоте: она укореняется в почве, в этническом ландшафте, в том, что евразийцы называли месторазвитием. Народная форма есть

не просто социальная общность, а воплощенная в конкретном пространстве организационная идея, схваченная в ландшафтном поле и раскрытая в ее вмещающих границах.

Отсюда Dasein существует в мире не вообще, а всегда в контексте одухотворенного ландшафта, в способе раскрытия организационной идеи. Почва, климат, природные ритмы – все это не фон, а условие становления народа как субъекта истории, как источника, сбывающегося откровения о сущем. Поэтому народ, лишенный своего места, теряет не только землю, но и способ слышать зов бытия.

Для кыргызов подобной светоносной средой, откуда прорастают корни их примордиальной традиции и где раздается зов вечности, являлся ландшафт евразийских гор. Горы волновали, экзальтировали и захватывали кыргызское воображение на всем богатом пути их исторического развития. **Как только забрезжил свет кыргызского самосознания, близ него высились горы.** Физическая неприступность гор становилась местом пристанища в смутные времена, а их магнетическая сила прокладывала кочевые маршруты в драматические периоды миграций. В эпохи, когда общественно-политическая жизнь в Евразии замирала, горы становились ориентирами развития для кыргызов. И главное – евразийские горы поддерживали этнокультурную связь времен, не позволяли свету жречества угаснуть, а голосу истины замолкнуть. В горах кыргызы находили не только физическое пристанище, но и онтологическое укоренение, которое сделало возможным не только слышание, но и проявление своего неповторимого ответа на воззвание Небес.

В духовной истории кыргызов нет ни одного значимого мыслителя, чье понимание мира не было бы переплетено с метафизикой горных сред. Горы в кыргызском мифопоэтическом мировоззрении становились пространством для утопических исканий, художественной экспрессии, воплощения эмоций, символической визуализации сюжетов и местом обретения катарсиса.

Вся духовная эволюция кыргызского сознания может быть описана сквозь семантические метаморфозы горной среды, сквозь призму целевого перепрофилирования вмещающего ландшафта, где за тысячелетний период символическое измерение гор претерпело ряд существенных трансформаций.

Кыргызы в Средневековье, вступив на путь формирования кыргызской государственности на Тянь-Шане, встали перед необходимостью моделирования общенародной картины мира, что отразилось на восприятии вмещающего ландшафта. Уже на заре формирования этнокультурного уклада кыргызов, Тянь-Шаньские горы не просто служили естественной средой обитания, но и воспринимались как сакральный прообраз райской обители. Их величие и неприступность вызывали в воображении самые возвышенные мечты об идеальной земле – Жер-Уюк, о такой обители мира, где «жаворонок вьет гнездо на овцах».

Эти утопические чаяния становились частью коллективного опыта кыргызов, определяя горизонты надежд и механику развития народных идеалов. Этот богатый на духовные всходы временной отрезок породил широкую россыпь блистательных философов, но наиболее типологические черты эта мечтательная эпоха обрела в трагической фигуре Асана-Кайгы и непоколебимого гуманиста Толубая-Сынчы, посвятивших свои жизни поиску обетованной земли.

Хотелось бы отметить, что идеалистический аспект в средневековых исканиях странствующих акынов сыграл важную роль в динамично возводимой архитектуре смыслов, став онтологической вехой укоренения кыргызов в месторазвитии Тянь-Шаньских гор, где

утопический мотив служил столбовым элементом во всей этой мифопоэтической конструкции.

XIX век стал одним из самых драматических в социально-политическом плане и идейно насыщенных периодов в духовном историае кыргызского народа. Кыргызы находились перед лицом кардинальных цивилизационных перемен, которые со смутной тревогой ощущал простой народ и провидчески предвосхищали акыны. С опорой на философское наследие предыдущих столетий кыргызские мыслители стремились осмыслить природу духовных перемен, геополитических сдвигов и найти свое место в стремительно меняющемся мире. Неизбывно пульсирующая и антиномично насыщенная мысль кыргызов распалась на два сравнительно автономных мировоззренческих блока – заманистов и гуманистов, с той разницей, что в центре идейного контрапункта вместо вопроса о символическом достижении земли обетованной заняла реальная перспектива включения кыргызского народа в состав другой “обетованной земли” – царской России.

В условиях социальных потрясений и распада традиционного мира горы начинают осмысляться заманистами как символ падения и конца прежней гармонии. Они становятся свидетелями катастрофы, надлома историческо-культурной преемственности и разрушения многовекового духовного порядка [3]. Эта линия особенно рельефно проявилась у Калыгула, Арстанбека, Молдо Кылыча. В их стихах вершины рушатся и исчезают, как и прежний уклад жизни. Горы здесь – метафора трагического распада и конца мира, символ утраты устойчивости этнокультурного уклада.

Калыгул – великий провидец и основоположник духовной традиции заманизма – в символических метаморфозах горных сред усматривал неотвратимый приход последних времен [4]. В эпоху скорби этнокультурное измерение кыргызов будет вывернуто наизнанку, привычный мир погрузится в парадоксальное зазеркалье, космическая среда облачится в несвойственные декорации. Разрушительный вихрь перемен захлестнет все космологические сферы мироздания, все будет принудительно втянуто в пучину абсурда, а распад природной архитектуры станет провозвестником конца¹. В его экспрессивных зарисовках горы становятся пророческим текстом, через который человеку открываются грозные знамения о грядущих испытаниях, что придает его поэзии небывалый масштаб трагизма, а эпохе, в которую он жил, – обреченность перед лицом необратимой катастрофы.

Акыны-гуманисты видели в горах не знамение трагических перемен, а символ свободы, протеста и духовного обновления. Вершины отражали стремление народа к независимости, к преодолению культурных пережитков прошлого. Горы становятся пространством воли и критического мышления.

У Токтогула, Женижока, Тоголока Молдо и Барпы этот образ раскрывается особенно ярко [5]. Для них в символическом пространстве гор вершится судьба народа, начинается новая благодатная эпоха. Если у заманистов вершины рушатся, то у просветителей они возвышаются к мировым широтам, вводят человека в содержание вселенской жизни, олицетворяя символ надежды и указывая путь в светлое будущее.

У революционного поэта Токтогула горы становятся не просто частью пейзажа, а живыми хранителями духа народа [6]. Их высота напоминает о величии, к которому должен стремиться человек, их каменная основа – о твердости характера, их молчание – о внутренней

¹ Оройлоруң баатыр болду, Орус алмак биздерди, От чыкпай жериң такыр болду, Тоо токол болор, Токол байбиче болор, Уй пул болор, Кул бий болор.

глубине, в которой зреет сила. Горы у него, словно великие свидетели истории, видевшие смену поколений, бедствия и радости, но при этом сохранившие свое достоинство. Они неподвластны времени, тектоническим сдвигам истории и стихиям человеческих страстей, и в этой вековой силе заключена надежда для кыргыза: если горы стоят – значит, устоит и народ.

В поэтике Токтогула горы не пророчат катастрофы, а, напротив, дарят опору для будущего. Это не мрачные вершины конца, а светлые вершины ожидания. Их белоснежные шапки словно символизируют чистоту и надежду, их величественные силуэты – внутреннюю свободу и независимость. Можно сказать, что для Токтогула горы – это столповый хребет самосознания кыргыза, та скрытая ось, которая держит мир и поддерживает человека в испытаниях. Они внушают не страх, а уверенность, не скорбь, а мужество, не разочарование, а веру в преображение и новый рассвет.

В советскую эпоху восприятие гор в кыргызской культуре прошло значительный процесс трансформации. Если в традиционном мировоззрении они выполняли сакрально-онтологическую функцию – отражали знамения времени, выступали опорой миропорядка и источником духовной силы, то в условиях советской идеологии их смысловое наполнение было кардинально перепрофилировано под идеологические задачи советского модерна.

Следуя социалистическому мейнстриму, горы стали рассматриваться сквозь призму экономико-производственного освоения. Они осмыслялись как кладовая ресурсов, включенная в хозяйственный оборот и индустриальный проект советской модернизации. Вместе с тем закрепился и символический пласт, в котором горы репрезентировались как образ величия советской Родины, несокрушимости коммунистического строя и героизма народа. В этом контексте значительная часть вершин получила новые имена, отражающие идеологический тренд эпохи: так, например, пик Ленина или пик Победы становились знаковыми символами эпохи, превращаясь в своеобразные монументы социалистического проекта.

В творчестве К. Тыныстанова, А. Токомбаева, Дж. Турусбекова, Дж. Бокомбаева, А. Осмонова и других сохранилось многозначное, экзистенциальное измерение образа гор: они представляли как арена столкновения традиций и веяний прогресса, местом, где проявляется драматизм человеческой судьбы. В то же время они символизируют трудовой героизм, силу народа и устремленность к прогрессу.

В целом можно резюмировать, что в советский период феномен гор утратил статус исключительно сакрального центра и превратился в многослойный символ: где ресурсный потенциал Тянь-Шаньских гор граничил с их культурно-воспитательной функцией, а советское перепрофилирование неприступных вершин не меняло их мифопоэтический статус в глазах народа. Однако при всем многообразии смысловых акцентов самым ярким выразителем советского просвещения и одновременно голосом кыргызского мировоззрения стал Чингиз Айтматов. Его творчество можно рассматривать как знамение и символ той эпохи, в котором переплелись космические горизонты всемирной истории и сакральные коды национальной памяти.

В художественном наследии Чингиза Айтматова образ гор концентрируется вокруг двух фундаментальных измерений, каждое из которых раскрывает особый уровень сопричастности человека к родному ландшафту [7].

С одной стороны, горы предстают как консервативно-мемориальный феномен. Они аккумулируют энергию сакральной географии Тянь-Шаня, становясь вместилищем мифов и легенд, своеобразным архивом вечности, в котором сохраняется глубинная память народа.

С другой стороны, горы выполняют экзистенциально-антропологическую функцию, становясь своеобразным космическим барометром человеческого духа. В горах раскрываются величие и низость человеческой натуры, природный ландшафт объемлет все градации душевного света и в нем отражаются трагические последствия нравственного падения людей. В этой перспективе горы – не просто природный ландшафт, а космическое измерение, чутко со-настроенное с человеческой экзистенцией, где просвечивает баланс между силой духа и хрупкостью человеческой души, между безграничным потенциалом к созиданию и необходимостью уравновешивать свою свободу вселенской мерой.

Их пространство не нейтрально: оно испытывает, выявляет и настраивает человека, проверяет его способность к внутреннему преодолению и нравственной зрелости. В этом плане горы символизируют испытательный горизонт, где каждый шаг – это движение к подлинности, а каждый перевал – метафора духовного подъема. Здесь же проявляется и эсхатологическая перспектива: падение гор становится образом крушения целого мира, символом предельного разрыва в судьбе человечества, где космическая катастрофа перекликается с духовным забвением, утратой соразмерности с сущим. Отсюда следует, что горы у Айтматова – это не только хранители памяти, но и арена предельных испытаний; они одновременно архив сакрального и зеркало духа. В скальных породах гор схвачен образ человеческого бессмертия и запечатлена сакральная летопись миров.

Сегодня горы у кыргызов переживают радикальное переосмысление, и в этом отражается глубокий кризис современного мировоззрения. Если раньше они были символом духовного поиска, стойкости и сакральной связи человека с природой, то теперь их величие постепенно превращается в пустую оболочку. Горы все чаще воспринимаются как рекреационное пространство, туристический объект или источник экономической выгоды – их сакральное, художественное и философское измерение вырвано из культуры, как сердце из живого тела.

Современный взгляд на горы утилитарен и хладен: их измеряют высотой, доступностью, возможностью дохода, но не духовной глубиной или моральной силой. Именно такая секулярная оптика, при которой природа становится объектом эксплуатации, приводит к их символическому падению, о чем ярко иллюстрировал Айтматов. В его произведениях горы – не просто пейзаж, а живой, могущественный участник человеческой судьбы, средоточие духовной памяти и нравственного измерения народа. Когда культура утрачивает связь с этим сакральным смыслом, горы словно рушатся под тяжестью забвения: их гранитные вершины остаются величественными визуально, но духовная сила исчезает, а вместе с ней – способность наставлять, вдохновлять и хранить этнокультурное измерение народа.

В завершение хотелось отметить следующее: эволюция образа гор в культурном сознании обнажает глубинный парадокс: с каждым историческим этапом они обретали все большее онтологическое оформление, от художественного фона и мифологического символа до сакральной оси мироздания, призванной стать центром новой жреческой идентичности. Однако нынешняя эпоха обернулась духовной катастрофой: сакральное измерение оказалось размыто, и вмещающий ландшафт вновь рискует быть сведен к безмолвному пейзажу.

Потенциал гор как геософской оси остается нереализованным и ждет своего пробуждения. Борьба за символическое значение гор в этой парадигме приобретает ключевое

значение как борьба за жизненную стратегию, за горизонт раскрытия идентичности. Судьба гор всегда являлась зеркалом исторического пути кыргызского народа и только возвращение к сакральному взгляду способно вдохнуть в идею независимости подлинное измерение свободы, где многоукладный символизм гор будет переложен на язык провиденциальной телеологии.

Литература

1. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – С. 703.
2. *Хайдеггер М.* Философия как философия народа. Мы и Время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997.
3. *Акматов О.С., Бекбоев А.А., Карабукаев К.Ш.* Социально-футурологические идеи Калыгула Бай уулу в контексте философской антропологии / О.С. Акматов, А.А. Бекбоев, К.Ш. Карабукаев // Известия НАН КР. – 2024. – № 1. – С. 155–161.
4. *Жапаров Д.* Гипотеза о концепции заманизма Калыгула. Проблемы современной науки и образования / Д. Жапаров. – Иваново, 2016. – С. 51–53.
5. *Выдающиеся просветители Евразии* / сост. Р.Р. Баязитова. 2-е изд., доп. – Воронеж: АртПринт, 2020. – С. 242–246.
6. *Сатылганов Т.* Избранное / Т. Сатылганов. – М.: Гослитиздат, 1958.
7. *Айтматов Ч.* Когда падают горы / Ч. Айтматов. – СПб.: Азбука-классика, 2007.